

А. С. Кулева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
an_kuleva@mail.ru

УСЕЧЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ: ПОЗИЦИЯ В СТИХОТВОРНОЙ СТРОКЕ

Чтобы обоснованно говорить о происхождении, статусе и смысловой нагрузке так называемых «усеченных прилагательных» в русском поэтическом языке, необходимо рассмотреть это явление во всех аспектах. В частности, интересно проанализировать употребление таких форм с точки зрения соотношения грамматики и стихотворного размера в русле исследований М. Л. Гаспарова и Т. В. Скулачевой. Обнаружено, что в строках 4-стопного ямба с пропуском одного метрического ударения усеченная форма нередко занимает позиции, нехарактерные для полного прилагательного (начало и конец строки), причем тесная синтаксическая связь либо разрывается (*От самых облак зрит лежащи / Поля и грады под собой*), либо имеет другой характер (*Там нивы запустеют тучны*) по сравнению с полными прилагательными. Предполагается, что всестороннее изучение функционирования усеченных прилагательных в поэтическом языке позволит подтвердить гипотезу о сохранении на периферии современной русской грамматики возможности атрибутивного употребления кратких прилагательных.

Ключевые слова: имя прилагательное, усеченные формы, поэтический язык, грамматика.

Усеченными прилагательными можно называть особого рода краткие прилагательные (не только качественные, но и относительные), а также примыкающие к ним причастия, местоимения, порядковые числительные, субстантивированные формы, которые используются в языке поэзии в атрибутивной функции, как в И.-В., так и в некоторых косвенных падежах.

В существующей литературе причиной появления искусственных усеченных форм традиционно называются «требования ритма и рифмы», а причиной их исчезновения — развитие стихотворной техники. При ближайшем рассмотрении эта формулировка, кочующая из книги в книгу, представляется поверхностной. Так, не имеет смысла говорить о «требованиях рифмы», если речь идет о форме, употребляемой не на конце строки или на конце строки в нерифмованном произведении. Например, не удивительно большое число усеченных прилагательных

в поэзии Радищева, язык которой очень архаичен, но из 350 форм, встретившихся у него на конце строки, 323 нерифмованных, что можно объяснить не версификационной, а стилистической функцией усеченных форм.

Особенно интересна связь употребления усеченных прилагательных со стихотворным размером. Из традиционных определений можно вывести только то, что «усечение одного слога окончания» делало длинное слово короче и позволяло уместить его в рамки силлаботоники. Но картина гораздо сложнее.

Прежде всего, если рассмотреть все собранные примеры, можно заметить, что на протяжении трех веков в стихах разных авторов, вне зависимости от поэтических направлений, стилей, жанров, стихотворных размеров, прослеживается общая тенденция: усеченные прилагательные достаточно часто встречаются в начале и в конце строки (в среднем 17% и 30% употреблений; см. Приложение 1). Позиция конца строки для усеченных форм особенно характерна. Следует отметить, что при резком сокращении количества усеченных прилагательных в поэтических текстах поздних периодов доля форм в рифменной позиции с «развитием силлабо-тонической поэзии» не уменьшается, как не возрастает она и с появлением силлаботоники. Кроме того, как уже говорилось, на конце строки усеченные прилагательные далеко не всегда рифмуются. Можно предположить, что для усеченной формы особенно важной оказывается позиция не столько рифмы, сколько конца строки, на месте логического ударения, что позволяет говорить о важности этого поэтического элемента. То же можно сказать и о начале стихотворной строки. Существенно, что в поэзии XVIII в., для которой характерно широкое использование усеченных форм местоимений — союзных слов (*которы, котора* и т. п.), стоящих в начале стихотворной строки, доля усечений в этой позиции меньше, чем в поэзии более поздних периодов, хотя можно было бы предположить обратное соотношение. Так, в стихах Третьяковского начало строки занимают 12% форм, Ломоносова — 19%, Державина — 18%; в поэзии Кюлева — 23%, Цветаевой — 27%, Городецкого — 30%.

Надо отметить, что в ряде случаев одна усеченная форма представляет собой стихотворную строку, то есть особо выделяется в тексте. В рассмотренном материале девять таких случаев встречается в поэзии XVIII в., например: *На лужке был лесок // Невысок, // А в нем тек // Ручеек // Крутоберег* (Львов); *И их души // Вероломны // В крови черной // Источены, // Отослали // В царство Ния* (Радищев); 17 — в поэзии XX в.: *Шибче речки бежишь // На мосток // Невысок* (Городецкий); *Уж ты по младенцу – // Новобранцу – // Слеза деревенска, // Океанска!* (Цветаева); *за ножки перламутровы, – // медны, // за зубки перебитые, – // менты, менты* (Соснора).

Чтобы обоснованно говорить о происхождении, статусе и смысловой нагрузке усеченных прилагательных в русском поэтическом языке, необходимо рассмотреть это явление во всех аспектах. В частности, интересно проанализировать употребление усеченных форм с точки зрения соотношения грамматики и стихотворного размера. Существующие исследования лингвистики стиха, прежде всего — работы М. Л. Гаспарова и Т. В. Скулачевой, позволяют взглянуть на эту проблему более пристально и серьезно.

В приведенной ниже таблице употребление усеченных прилагательных сопоставляется с данными статьи «Части речи и стопы стиха в “Евгении Онегине”» [Гаспаров, Скулачева 2004: 62–90]. Из материалов названной статьи выбраны отдельные позиции: объединены формы, которые соотносятся с усечениями (кроме числительных, количество которых невелико). Рассматривались произведения, написанные четырехстопным ямбом: 34 текста Ломоносова (при том, что УП есть в 100 текстах Ломоносова из 134), ода «Вольность» Радищева (УП в 14 текстах из 16), 32 текста Дмитриева (УП в 144 текстах из 369) и пушкинский «Евгений Онегин». Сопоставление, безусловно, носит приблизительный характер, но все же позволяет сделать некоторые наблюдения (см. Приложение II).

Можно вспомнить, что Г. О. Винокур, рассматривая усечения как одну из самых распространенных и ярких «поэтических вольностей» и определяя данные формы как архаизм, решительно отрицал стилистическую функцию их употребления. По его мнению, «усечения» не могут быть элементами высокого стиля, так как они употребляются во всех жанрах поэзии XVIII в. вплоть до басни, бурлеска и эпиграммы [Винокур 1959: 135]. Анализ языка рассмотренных произведений показывает, что наиболее широко и последовательно усеченные прилагательные использовались в произведениях высоких жанров, ориентированных на язык книжно-литературной традиции, для которых характерен 4-стопный ямб, введенный и закрепленный Ломоносовым (как известно, первоначально он требовал применения в оде чистого ямба без пиррихий и спондеев, но был вынужден отказаться от этого требования, так как оно заставляло ограничиваться употреблением только нехарактерных для русского языка двусложных слов). Достаточно редко усечения встречаются в «низких» жанрах, предполагавших обращение к разговорному языку, в которых использование церковнославянских элементов минимально. Такие произведения, как правило, написаны разностопным ямбом с частыми пиррихиями, то есть размером, наилучшим образом имитирующим разговорную речь.

С другой стороны, такое распределение отнюдь не абсолютно: среди текстов названных авторов (где встречаются усеченные формы) 4-стопным ямбом написана сравнительно небольшая часть. Можно было бы предположить, что использование усеченных прилагательных в 4-стопном ямбе должно было обеспечивать полноударность. Действительно, около половины строк, включающих усеченные формы, полноударны:

*Ассирски стены огонь терзает; Везде веселы клики слышны; Как бог продлит
через вечно время; Исчезли все затеи лишны* (Ломоносов);

Сердечны тайны, тайны дев; И вдруг недвижны очи клонит (Пушкин).

Однако больший интерес представляют строки с пропуском одного метрического ударения. Отметим, что усеченные формы крайне редко не несут на себе ударения: практически это касается только местоимения *всяк*, функционирование которого сближает это слово с усеченными прилагательными (в языке поэзии употребительна не только фиксируемая словарями как поэтизм лексикализованная форма *всяк*, но и разные формы этого местоимения в роли определения). В рассмотренных текстах это 13 случаев, причем нередко на местоимение приходится

сверхсхемное ударение (что также говорит не о незначительности этого элемента в тексте, а напротив, о его важности). Например:

Всяк мнит, что равен он Алкиду; Впереди всяк ум и вникни слухом; Что в Аттиле всяк злом признал? (Ломоносов); **Всяк** день с Авророю златой; Клянцте вы его всяк час; **Всяк** подвиг божеству возможен; **Всяк** миг путем полубогов; **Всяк** цстый в сердце славянцн! (Дмитриев); Себе всяк сеет, себе жнет (Радищев); **Всяк** суетится, лжет за двух (Пушкин).

Ср.: И теми всяку тварь питает; В бою росцйской всяк солдат; Где всяки со-
вершенства явны (Ломоносов).

Согласно наблюдениям М. Л. Гаспарова и Т. В. Скулачевой, «чтобы заполнить безударное трехсложие, прилагательное должно стоять на стопе, предшествующей пропуску ударения. Во II ритмической форме такой стопы нет: ударение пропущено в зачине <...> В III ритмической форме прилагательные интенсивно заполняют собой безударное трехсложие в двух ритмических формах из шести: в первую очередь там, где имеется дактилический словораздел <...> В IV ритмической форме прилагательные заполняют длинный междуударный интервал интенсивнее, чем глаголы, в некоторых словораздельных вариациях <...> почти полностью вытесняя другие части речи: “Живее **творческие** сны...” <...> Это вызвано <...> и синтаксическими причинами. Прилагательное образует очень тесную синтаксическую связь с существительным, а наши подсчеты и подсчеты других исследователей показали, что для строки наиболее типична синтаксическая структура с наиболее тесной связью между последними словами строки... Прилагательное на второй позиции — идеальный способ создать тесную связь на конце строки. Кроме того, определяемое им существительное в этом случае попадает на конец строки, в сильную позицию, что тоже типично <...> Наиболее избегаемый прилагательными тип слова — слово с мужским окончанием, с ударением на последнем слоге. Во всех позициях, где требуется слово с ударением на последнем слоге, прилагательных меньше, чем в других позициях, а на первой позиции вариации 3.2 и второй позиции вариации 3.5 <...> прилагательных вообще нет» [Гаспаров, Скулачева 2004: 82–84].

Можно было бы предположить, что «усечение» окончания полных прилагательных должно было ослабить названные ограничения, но едва ли это могло менять синтаксическую структуру, поскольку усеченное прилагательное продолжало выполнять роль определения. Действительно, мы находим многочисленные примеры, где усеченная форма занимает позиции, мало характерные для прилагательного. Приведем примеры.

Формы с мужским окончанием: Другу Полтаву тут создать; Чужи поля топтать готовы; Сие злату очистит жицу; Драги сокровища открой (Ломоносов).

Усеченные прилагательные в строках с пропуском одного метрического ударения:

Победоносны слыша звуки (Ломоносов); Не омочен ничьей слезой; **Великолен-
ну** зрел картину! (Дмитриев);

В прекрасну облекись порфиру; **В пространну** высоту небесну; **Военны** запечатай двери; **Военны** облегчи громады; **Гремящу** представляет воду; **Дунайски**

наполняет бреги; И нову красоту доброт; Любезна небесам страна; Любезну оставляет грудь; На целу широту земную; Но каждую обозревши часть; О полны чудесами веки!; Прилежны простирайте руки; Присяжны преступив союзы; Российски распрострет границы;

Так сильну вознеси десницу (Ломоносов); Сквозь мерзлы облака вещает; И остро копие вознес! (Дмитриев); Я медны изваял громады; Где нежны процветают крины; Животны семена проснутся; Первейшии семена всех тел (Радищев).

Как феникса воскресиа ныне; Прельщенная словесна тварь; Се Дмитриевы сильны плечи; Се знойные Каспийски бреги; Утешила ты в слезно время; Что строены вы целы веки; Что чаяли вы, Невски музы (Ломоносов); Как мрачная осення ночь; Чрез шумные камчатски воды (Дмитриев); Стекаются тут громки лики (Радищев); Которые в минушии дни (Пушкин).

Особенно интересен тот факт, что наиболее предпочтительной позицией для усеченных форм оказывается либо начало, либо конец строки, что нетипично для полных прилагательных, но характерно для кратких форм и существительных (существительные в И. п. распределяются по стопам как 71/61/38/74):

Геройска похвала увянет; Подблюдны песни, хоровод; Лавровы вьются там венцы; Российско солнце на восходе (Ломоносов); Архивны юноши толпою (Пушкин).

И правда, взяв перо злато; От гор Атлантских вал высок; Наносят готам страх велик; Таился в коих зной велик; В пригорках бьют ключи прозрачны (Ломоносов); Извлек он саблю смертоносну; Кто даст мне кисть животворящу; Несут в пределы византийски; Там нивы запустеют тучны (Дмитриев).

В таком случае тесная синтаксическая связь на конце строки либо разрывается, либо имеет другой характер: усеченные прилагательные очень часто стоят в постпозиции, и особенно на конце строки (это также можно связать с приподнятой стилистической окраской этих форм, связанной с церковнославянским языком как одним из источников кратких атрибутивных форм в поэтическом языке).

Иссохнет на земли попранна // Свирепость змиевых голов; От самых облак зрит лежащи // Поля и грады под собой;

Но большу нанести боязнь; Я вяци учиню премены; Народну наблюдайте льготу; В небесны, Уракия, круги; И новы возросли беды; Полночны оживи страны; Прохладна покрывает тень; Прохладны возлюбив места;

Младого шум Орла паряща; Я Деву в солнце зрю стоящу; Где воды протекают ясны; Чинят то умысл нам жесток (Ломоносов).

Итак, едва ли можно говорить о том, что усеченные прилагательные образовывались чисто механически при необходимости образовать более короткую форму. Кроме того, как уже отмечалось, усеченные формы создают свой особый словарь. Например, в статье «Ритмико-синтаксические клише в 4-стопном ямбе» [Гаспаров, Скулачева 2004: 202–225] говорится, что самые частотные прилагательные в произведениях Пушкина — *милый*, *молодой* (*младой*) и *полный*. В поэзии атрибутивные употребления этих лексем встречаются в качестве фольклорной стилизации: Как вечер у нас красна девица топилась, / Утопая, мила друга прокланала; Люба ты моя, млада Елица, / Выдь ко мне на зеленый берег; Люто страждет молода

Павлиха. Однако среди усеченных прилагательных самыми частотными у Пушкина оказываются другие: *темну* (11), *прежни* (10), *красна* и *полну* (9), т. е. совпадает только одно прилагательное, ср.: *Он полну чащу пьет любви*.

Более того, усеченные прилагательные создают определенные ритмико-синтаксические клише, например, в поэзии Ломоносова:

Угрюмы бури презирает; Угрюмы тучи раздирает;

Посмотрим в Западные страны; Разлившись в западные страны;

В брегах чините весел шум; Всего народа весел шум; Героев слышу весел клик!

Таким образом, версификационная роль усеченных прилагательных заслуживает более глубокого изучения.

Литература

Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959.

Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Anna S. Kuleva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

an_kuleva@mail.ru

CLIPPED ADJECTIVES: THEIR POSITION IN THE POETIC LINE

The features of clipped adjectives should be considered from the point of view of versification.

I explore the morphological, stylistic and semantic peculiarities of clipped adjectives. A special dictionary of clipped forms provides the researcher with the opportunity to analyze the role of these forms in the language of Russian poetry.

My intention is to define the concept of «clipped adjectives», to consider how clipped forms differ from short and full ones, and to examine their place in system of adjectives. The project is based on collecting the material (i.e. examples of Russian poetry from the XVII century to the present) and its multifaceted analysis.

Interesting results derive from analyzing the use of such forms by considering the research of M. L. Gasparov and T. V. Skulacheva on the relationship between grammar and poetic meter. It was found that clipped adjectives often occupy positions that are unusual for full adjectives: the beginning and the end of the poetic line.

This research will presumably allow for confirmation of a hypothesis regarding (1) the stability and considerable semantic load of clipped adjectives in poetic language, and (2) the preservation of attributive short forms on the periphery of modern Russian grammar.

Key words: adjectives, clipped forms, Russian grammar, poetic language, versification.

References

Vinokur G. O. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz, 1959. 492 p.

Gasparov M. L., Skulacheva T. V. *Stat'i o lingvistike stikha*. [Articles on the Linguistics of Verse]. Moscow: Yazyki Slavjanskoj Kul'tury, 2004. 288 p.

Приложение I

	Кол-во текстов	Кол-во текстов с УП	%	Кол-во УП	УП в нач. строки	%	УП в рифме	%
ПОЭЗИЯ XVIII в.								
В. Тредиаковский 1703–1769	155	121	79%	1490	182	12%	509	34%
А. Кантемир 1707–1744	82	65	80%	1003	132	13%	294	30%
М. Ломоносов 1711–1765	134	100	75%	1209	226	19%	312	26%
А. Сумароков 1717–1777	271	154	57%	663	133	20%	120	18%
В. Майков 1728–1778	115	75	65%	671	121	18%	161	25%
И. Богданович 1743–1803	82	43	52%	432	85	20%	42	10%
Г. Державин 1743–1816	163	127	78%	878	144	16%	330	38%
А. Радищев 1749–1802	16	14	88%	775	92	12%	350	45%
Н. Львов 1751–1803	124	97	78%	303	64	21%	100	32%
И. Дмитриев 1760–1837	369	144	39%	557	103	18%	151	27%
<i>всего по периоду 10 авторов</i>	1511	940	63%	7981	1282	16%	2369	28%
ПОЭЗИЯ XIX в. Пушкинский период								
Н. Карамзин 1766–1826	160	14	9%	30	7	23%	9	30%
И. Крылов 1769–1844	221	61	28%	193	30	16%	55	28%
В. Л. Пушкин 1770–1830	158	32	20%	56	11	20%	20	36%
В. Жуковский 1783–1852	159	67	42%	305	50	16%	100	33%
К. Батюшков 1787–1855	170	82	48%	365	41	11%	105	29%
П. Вяземский 1792–1878	267	28	10%	42	2	5%	22	52%
К. Рылеев 1795–1926	158	37	23%	74	7	9%	27	36%
А. Дельвиг 1798–1831	204	31	15%	75	9	12%	20	27%
А. С. Пушкин 1799–1937 (Лицей)	138	57	41%	208	22	11%	62	30%
А. С. Пушкин (зрелое творчество)	609	122	20%	438	76	17%	128	29%
<i>всего по периоду 20 авторов</i>	2524	597	24%	1926	264	14%	585	30%
ПОЭЗИЯ XIX в.								
Ф. Тютчев 1803–1873	334	23	7%	54	8	15%	24	44%
Н. Языков 1803–1836	335	41	12%	78	16	21%	22	28%
А. Хомяков 1804–1860	101	18	18%	32	1	3%	11	34%
А. Кольцов 1809–1842	217	36	17%	44	17	39%	3	7%
М. Лермонтов 1814–1941	374	30	8%	105	17	16%	17	16%
А. К. Толстой 1817–1875	168	34	20%	62	9	15%	23	37%
Н. Некрасов 1821–1878	471	33	7%	142	34	24%	34	24%
<i>всего по периоду 25 авторов</i>	3070	267	9%	588	110	19%	150	26%

	Кол-во текстов	Кол-во текстов с УП	%	Кол-во УП	УП в нач. строки	%	УП в рифме	%
ПОЭЗИЯ Серебряного века								
Вяч. Иванов 1866–1949	1054	51	5%	116	19	16%	32	28%
М. Кузмин 1872–1936	670	40	6%	82	19	23%	27	33%
Н. Клюев 1884–1937	519	77	15%	221	51	23%	36	16%
С. Городецкий 1884–1967	500	39	8%	57	17	30%	18	32%
Велимир Хлебников 1885–1922	586	41	7%	71	14	20%	27	37%
М. Цветаева 1892–1941	1351	65	5%	315	86	27%	166	53%
В. Маяковский 1893–1930	200	9	5%	11	1	9%	10	91%
С. Есенин 1895–1925	316	26	8%	44	8	18%	7	16%
<i>всего по периоду 100 авторов</i>	<i>11612</i>	<i>409</i>	<i>3%</i>	<i>1086</i>	<i>250</i>	<i>23%</i>	<i>368</i>	<i>34%</i>
ПОЭЗИЯ XX и рубежа XX–XXI вв.								
всего по периоду 180 авторов из них в текстах 33 авторов есть УП	7169	216	3%	434	79	18%	136	31%
<i>всего</i>				<i>12015</i>	<i>1985</i>	<i>17%</i>	<i>3608</i>	<i>30%</i>

Приложение II

Статистика по [Гаспаров, Скулачева 2004: 62–90]							строки, включающие усеченные прилагательные									
Я4	стопы	прил. и.п.	прил. кось.п.	кратк. прил. и прич.	мест-пр. и.п.	мест-пр. кось.п.	всего	%	УП ЕО		УП Ломоносов		УП Дмитриев		УП Радищев	
									%	УП	%	УП	%	УП	%	УП
полноударные строки**	1	10	11	8	8	17	54	21	5	16	102	31	30	32	11	31
	2	2	12	15	7	7	43	17	7	23	80	23	8	8	10	28
	3	13	39	5	18	36	111	43	11	35	81	24	29	31	7	19
	4	13	15	14	4	5	51	19	8	26	73	22	28	29	8	22
		38	77	42	37	65	259	12	31	40	336	51	95	46	36	48
строки с пропуском одного метрического ударения	-1-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	2	4	5	23	0	1	33	19	2	100	4	29	2	40	0	0
	3	11	27	3	13	26	80	48	0	0	7	50	3	60	0	0
	4	7	24	8	8	8	55	33	0	0	3	21	0	0	1	100
		22	56	34	21	35	168	7	2	2	14	2	5	2	1	1
	1	22	36	9	1	9	77	30	3	38	48	52	6	35	7	50
	-2-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	3	21	54	7	6	33	121	48	5	62	26	28	8	47	4	29
	4	10	25	7	6	9	57	22	0	0	18	20	3	18	3	21
		53	115	23	13	51	255	11	8	10	92	13	17	9	14	19
	1	48	156	50	55	100	409	26	11	29	71	31	33	37	5	21
	2	231	446	42	13	30	762	49	8	21	75	33	24	26	8	33
	-3-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	4	80	137	113	11	50	391	25	19	50	80	36	33	37	11	46
		359	739	205	79	180	1562	70	38	48	226	34	90	43	24	32

Статистика по [Гаспаров, Скулачева 2004: 62–90]							строки, включающие усеченные прилагательные									
Я4	стопа	прил. и.п.	прил. косьл.	кратк. прил. и прич.	мест-пр. и.п.	мест-пр. косьл.	всего	%	УП ЕО	%	УП Ломоносов	%	УП Дмитриев	%	УП Радищев	%
всего	1	80	203	67	64	126	540	24	19	24	221	33	69	34	23	31
	2	237	463	80	20	38	838	37	17	22	159	24	34	16	18	24
	3	45	120	15	37	95	312	14	16	20	114	17	40	19	11	14
	4	110	201	142	29	72	554	25	27	34	174	26	64	31	23	31
		472	987	304	150	331	2244		79		668		207		75	

** вариации с 3 мужскими и 3 женскими словоразделами